

Ника Ёрш

СЧАСТЬЕ ОПТОМ

«Улыбка ребенка -
лучше любого
антидепрессанта...
Но валерьянку
далеко не убирайте!»

16+

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Ника Ёрш
Счастье оптом

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Ёрш Н.

Счастье оптом / Н. Ёрш — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Что делать, когда у тебя трое детей, а муж ушел к другой? Разумеется, попытаться отсрочить развод и ждать, пока у него проснется совесть. А что, если совесть вдруг просыпается не у мужа, а у собственного отца, которого не видела с младенческого возраста? Теперь я с детьми лечу в Сочи к постели умирающего, чтобы услышать его последнюю волю. Казалось бы, все предельно просто и немного грустно, вот только отец совсем не так болен, как говорили, а разного рода сюрпризы, задуманные им, коснутся каждого из приехавших. Страшно? Совсем нет! Пришло время встряхнуться и включиться в игру.

© Ёрш Н., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Вместо предисловия

– Артём, медленно положи солонку и отойди от стола, – устало проговорила я, продолжая сидеть на полу и чистить картошку.

– Он не положил, – сообщила Арина. – Мам, скажи ему.

– Артём... – Мой тяжёлый взгляд даже начальника пугал. Но не младшего сына четырех лет от роду.

Этот был непрошибаем и нагл. В отца.

– Мам, он сейчас такое натворит! – в голосе шестилетней Арины послышалось самое настоящее предвкушение.

– Дети, – завела новую пластинку я, – дайте мне закончить с картошкой. Поиграйте в своей комнате.

Мимо меня, прямо в мусорное ведро, пролетела солонка.

– Ой, – посетовал Артём, сползая с табурета и усаживаясь напротив с ангельским личиком. – Мама, помочь?

– Нет.

– Я же говорила, – Арина хмыкнула. – Он просыпал соль! Натворил! Поставить его в угол?

– Нет, – меланхолично отозвалась я, напоминая себе, что кричать – не педагогично. Даже если очень хочется. – Просто уйдите с моих глаз на пять минут. Пожалуйста.

– Спасибо, – отозвался улыбчивый Тёма.

Я закатила глаза, тяжело вздохнула и приготовилась повысить голос.

Детей как ветром сдуло.

– Что, получили? – услышала свою старшую, Варю. – Хватит маму доставать, лучше игрушки соберите...

Я вытянула вперёд ногу и толкнула ею дверь, отгораживая себя от любимых отпрысков хоть ненадолго.

Дочистив картошку, помыла ее и закинула вариться. Потом несколько минут искала солонку, пока не вспомнила, что она в мусорном ведре...

– Мам! – Арина ворвалась в кухню с протянутой рукой: – Звонят. Это папа?

Я забрала телефон, глянула на дисплей и покачала головой.

– А кто? Кто?

– Сгинь! – рявкнула негромко, но внушительно.

Усевшись на край стула, ответила звонившей подруге:

– Мать-мегера у аппарата.

– Привет, Маргоша! – радостно раздалось с той стороны. – Как ты?

– Нормально, – соврала, запястьем убирая челку с глаз и прислушиваясь к детским крикам из комнаты. Что-то с грохотом упало. – Готовлю.

– Твой не объявлялся? – продолжила расспросы Вика.

– Вчера заходил, – я сделала паузу, вздохнула. – Сказал, что не передумал. Вещи забрал.

– Вот!.. – Дальше следовал набор нецензурных выражений, который уже озвучивала моя мама часом раньше.

– Полностью согласна, – подвела я итог всему сказанному в конце. – Так что, теперь у нас разные дорожки.

– Он у своей пассии живет?

– Понятия не имею.

– А третий суд когда? – не унималась Вика.

– Через две недели.

– Передумает! – постановила подруга. – Вот помяни мое слово. Сейчас погуляет, а потом прибежит и скажет, что любит-сил нет. Умолять еще будет, чтобы назад приняла и обслуживала. Та малолетка только и может, что...

– Не знаю, – перебила я, равнодушно пожимая плечами.

Два раза до этого именно я просила у судьи отсрочки. Все мечтала, что он одумается. Похоже, зря.

– Что-то ты, мать, совсем раскисла! – Вика помолчала. – А знаешь, что? Я сегодня приеду! Вечером. Посидим с тобой, уговорим бутылочку красенького полусладкого, обсудим то да сё...

– Не хочу, – призналась, косясь на часы. Время обеда. Тёму нужно кормить и укладывать спать.

– Маргош, ты мне не нравишься, – сообщила Вика. – Хочешь, найдем Арсена? Ну, помнишь, того качка, с которым я встречалась пару месяцев в том году? Он найдет твоего Макса и объяснит ему по почкам...

– Только не по почкам, – я поморщилась. – Пусть работает мужик, ему еще алименты нашим детям платить.

– А, это да, – загрустила Вика. – Тогда до связи?

– Пока.

Я убрала в карман телефон, вытерла соль со стола и пошла в гостиную. Там, судя по всему, прошел смерч. Детей он не задел, но перевернул все пластиковые коробки с игрушками.

– Мама! – заметил меня Артём. – Будешь с нами строить башню?

Я покачала головой, думая лишь об одном: теперь все на мне. Макс окончательно ушел к другой, а мы с детьми остались...

И если Варьке уже десять, то Аринке только шесть, а Тёме и вовсе четыре года... С работы меня попросили месяц назад, после второго больничного за месяц.

Так что, жизнь удивительна и любима, но весьма непроста. От депрессии удерживало лишь чувство ответственности, но насколько его хватит – ручаться не могла.

И нет, мне не нужен был новый мужчина, я, кажется, еще любила Макса, или просто привязалась к нему так, что теперь страшно было представить жизнь без него. Терзал страх будущего: как поднимать этих троих без поддержки со стороны отца? О себе я вообще не думала – не до того.

Новый звонок по телефону заставил вздрогнуть.

Звонил неизвестный, и я хотела скинуть его, но, мазнув пальцем по экрану, промахнулась.

– Алло, – услышала из трубки приятный мужской голос. – Маргарита Сергеевна?

– Я.

– У меня печальные новости.

Нащупав кресло, я села, едва не промахнувшись. Ну всё, судьба решила меня доконать! Что теперь?

– Говорите, – махнула свободной рукой. – Что случилось?

– Ваш отец при смерти.

– Какой отец? – не поняла я, хмурясь.

– Ваш. Сергей Петрович Лопухин.

Мужчина назвал мою девичью фамилию, а значит все-таки не ошибся номером телефона.

– И он желает видеть своих детей перед кончиной.

– Перед чьей кончиной? – уточнила я, хватаясь за сердце. Тема как раз спрыгнул с дивана, попав ногой в плечо Арине. Завязалась драка.

– Его. Вашего отца, – ответили мне из телефона.

Я задумалась, пытаюсь вспомнить, что знаю о человеке, подарившем нам с матерью фамилию. Ничего. А, нет! Он был молод, красив и горяч. Вот что знаю. Она влюбилась, отдалась, забеременела. Они даже расписались, попытавшись жить вместе как нормальная семья, но развелись спустя год. Он умчался в неизвестные дали, а мама осталась.

Все это студенческие годы. Больше “отец” не появлялся, а она и не искала.

– Алло! – снова заговорили в трубке. – Маргарита Сергеевна, вы слышите? Когда вы сможете приехать в Сочи?

– Куда?

– В Сочи. Это...

– Я знаю, где это. Зачем мне туда?

– Для встречи с отцом, разумеется. Он здесь. Ждет вас. Так вы сможете? И, если да, то когда?

Смогу ли? Полететь в Сочи? Я немного истерически засмеялась.

– Как только вы мне деньги на расчетный счёт переведёте, – ответила, почти убедившись, что все происходящее – розыгрыш.

– Чудесно! – обрадовались с той стороны. – Я скину вам эсемеской электронный адрес, пришлите реквизиты. Мы оплатим перелет на ближайший рейс. Первым классом, разумеется. Как я сказал, ваш отец очень ждёт и нуждается во встрече.

– Я куплю билеты сама, – сказала тихо, все еще не понимая, разыгрывают меня или правда Лопухин объявился?

– Это ваше право, – снова согласился со мной голос в трубке.

– Мама! Купишь мне это? – вклинился в разговор Артём, показывая пальчиком в экран телевизора, где шла очередная реклама игрушек. – Купи. Я вырасту – тоже тебе что-то куплю.

– У вас ребенок! Как прекрасно! – совсем очумел от восторга звонивший. – Значит, Сергей Петрович уже дедушка! Вы могли бы прилететь с ребенком?

– Угу, – ответила я, всё ещё переваривая услышанное и обводя взглядом ВСЕХ своих детей. – Сергей Петрович дедушка в кубе. Вот такое счастье оптом.

– В кубе? Трое?! Вы не шутите?

– Какие уж тут шутки. – Я показала Артему кулак, он улыбнулся и слез со спинки дивана, откуда собирался прыгнуть теперь уже на Варю.

– Превосходно! И вы прилетите все? С мужем?

– Без мужа. Четверо. А жить нам где?

– В доме, разумеется, – было мне ответом. Про мужа мужчина тактично переспрашивать не стал. – У вашего отца чудесная вилла на побережье. Сейчас он проходит лечение, и ему очень полезен местный климат. Потому мы здесь.

– А вы – это кто? – решила уточнить я. – Его сын? Брат? Сват?

– Его помощник. Простите, не представился сразу, Игнат. Запишите номер – если возникнут вопросы, я всегда готов помочь. К вашим услугам. Так что, я могу скинуть адрес почты?

– А, собственно, почему нет? Сочи – так Сочи, – кивнула я и тут же напредила: – Только билеты я сама приобрету. Мне так спокойней.

– Как скажете, Маргарита Сергеевна. До встречи.

Я положила трубку и обвела взглядом притихших детей. Даже Варя сняла наушники, уточняя:

– Что-то случилось?

– Ваш дедушка случился, – ответила я.

– Это как? – не поняла Арина. – Дедушка Петя? Или Антон?

Я покачала головой:

– Ни тот, ни другой. У вашей бабушки до дедушки Пети был муж. Его звали Сергей. Вот он нас нашел.

- Зачем? – почему-то шепотом спросила младшая дочь.
- Хочет познакомиться.
- А что он нам подарит? – деловито уточнил Артем. – Когда придет?
- Это мы к нему поедем. Полетим. – Я показала пальцем в потолок. – На самолете. Он живет в Сочи.
- Там же море! – обрадовалась Варя. – Как хорошо, что дедушка нас нашел!
- Я усмехнулась, обуреваемая примерно теми же мыслями.

Глава 1

– Женщина, угомоните своего ребенка! – услышала я сквозь дрему. – Он трогает мои волосы!

Приоткрыв один глаз, посмотрела на Тёму, сидящего слева. Тот мирно играл в планшете. Арина что-то рисовала справа от меня. Варя слушала музыку чуть дальше, на последнем из четырех кресел. Билеты в самолет я купила сама, пожалев на первый класс. В итоге мы сидели в хвосте по центру, зато все рядом. а у меня еще и деньги остались на форс-мажорные обстоятельства.

– Женщина! Я долго буду просить? – повторилось откуда-то слева.

Неужели не мне?

– Мой сын ничего плохого не делает! – в подтверждение моих догадок, ответила дама, сидящая у окна. – Он просто дотронулся до вас несколько раз. Вам что, жалко?

– Шутите? Он мне прическу испортил!

– А что я могу? Запретить ему быть ребенком?! Севочка еще совсем малыш.

Севочка – крупный человеческий детёныш лет пяти от роду – громко противно заржал. Мой Артёмка даже от планшета оторвался, чтоб посмотреть на сородича.

– Я сейчас стюарду буду жаловаться, – перестала надеяться на мирное решение своей проблемы пострадавшая. – Угомоните его!

Мать ребенка демонстративно закатила глаза и, поведя плечами, уставилась куда-то в проход.

Севочка, уловив флер безнаказанности, протянул пухлую ручонку вперед и показал всем заинтересовавшимся неприличный знак, означающий его отношение к происходящему. Средний пальчик, оттопыренный вперед, смотрелся неправильно. Очень захотелось рявкнуть на Севушку, как на своего, родного, но, обратившись к силе воли, я подавила в себе это нездоровое желание.

Это. Чужой. Ребенок. Не мое дело...

– Милый, это некрасиво, – тем временем пожурила парнишку мать, пытаясь прикрыть ладонью сынишкино мнение. – Давай лучше в телефоне поиграешь?

– Не хочу! – Мальчик мотнул головой и дернул за волосы теперь уже родную матушку, объяснив это просто: – Бесишь!

Затем стал перелезать через материнские колени, чтоб оказаться ближе к проходу. И к моему сыну заодно. Их стало разделять всего полметра.

Артём совсем отложил планшет и сел удобней. Концерт ему явно нравился больше игрыбродилки. Я устало вздохнула и снова попробовала уснуть. Но, спустя минуту, сын решил приобщить к просмотру и меня:

– Мама, смотри, какой дурак!

Приоткрыв один глаз, заметила Севушку, приставившего пальцы к носу и дразнящего моего сына. Снова зажмурившись, сделала вид, что не слышу.

Во-первых, не хотелось ругать сына за то, что обзывается – правду же говорит! А во-вторых: не мое это дело, чужие дураки. Со своими забот хватало.

– Мама, он мне не нравится, – предупредил Артём. И что-то было в его голосе такое, что заставило меня подключиться к общению.

Я устало вздохнула, повернула голову и... не успела ничего предпринять. Артём уже треснул мальчику по пальчику планшетом.

Поднявшийся дикий ор огласил весь самолет праведными криками. Не только Севушки и его матери. Артём кричал за компанию, поняв, что накосячил и пытаясь воззвать к моей жалости.

– Бо-о-ольно! – вопил Севушка, устраивая потоп из глаз.

– Засужу! – вторила ему мать, метая молнии из глаз.

– Только не в уго-ол! – умолял Артёмка.

– Принесите мне кофе, пожалуйста, – попросила я у прибежавшей к нам стюардессы, поняв, что поспать не удастся. – И покрепче, девушка, покрепче.

Эти полтора часа с нами в небе многим показались адом, но выходить в пути было нельзя, так что им пришлось смириться и молча нас ненавидеть. Хотя большая часть презрительных взглядов все же доставалась периодически что-то вытворявшему Севушке – он стал настоящей звездой рейса, о чем ни капли не жалел.

Когда пилот объявил о скорой посадке, пассажиры захлопали раньше времени. Кто-то даже обнимался, а одна женщина умиленно промокнула слезы с лица.

Да, им хорошо – выйдя из самолета, они снова получают покой и прежнюю жизнь, а я так и останусь мамой троих деток не самого зрелого возраста. Хотя на покой надеяться мне ничто не мешало. А вдруг передышка? Вдруг кто-то свыше расщедрится и подарит час-другой без происшествий?

– Мама, – дернула меня за плечо Аринка, – у меня кровь из носа пошла. Прямо на новую футболку. У тебя есть ватка?

– Стюардесса! – в который раз крикнула я. – Можно вас?

Она отшатнулась, но не сбежала. Настоящий профессионал своего дела! Правда, когда выпроваживала нас в “рукав” к аэропорту пересчитала моих детей и украдкой перекрестилась, что-то бормоча. Я тоже их подсчитала – все были на месте, на радость бабушке.

Пока вылавливала чемодан, дети носились по помещению и отнимали друг у друга салфетки с одноразовыми приборами из самолета, выданные во время короткого перекуса и взятые на память. Я же задумчиво смотрела на ленту подачи багажа и размышляла, что будет дальше? Какой он, мой отец? Что ему нужно от нас? И – самое важное – где купить воды детям?

А дальше, поймав детей и отняв остатки “сувениров” из самолета, я направилась к выходу, по пути заметив не по погоде одетого мужчину с табличкой “Лопухины”.

Нас встречали! Ну надо же, какой сервис!

Я удивилась, потому как мне дали адрес виллы, но не сказали о возможном трансфере до места отдыха. Ой, то есть, до встречи с приболевшим биологическим отцом. Хотя, какая разница? Почему бы и не совместить приятное с необходимым?

Кто-то из посторонних, озвучь я свои мысли, мог бы осудить мое отношение к ситуации и попытаться воззвать к совести, мол: "Твой отец болен, Марго, тебя должна грызть тоска изнутри!" А меня и грызла. Потому что я не была уверена, что дорогу назад нам оплатят, и тогда придется тратить остатки сбережений...

В общем, чувств к отцу, кроме потребительских, увы, не находилось. Как бы я не старалась их обнаружить, с моей позиции все выглядело так: он меня сделал и пропал, бросив мать одну. А теперь решил оплатить нам с детьми поездку на море и, заодно, познакомиться. Еще дома, получив немалую сумму на счет для перелета, я снова позвонила помощнику отца. Спросила, зачем все это? С чего вдруг, спустя столько лет?

Игнат не ответил толком, сказал лишь, что отец болен – сильно сдал после сердечного приступа, тогда же внезапно решил найти меня. Теперь он на лечении, под бдительным контролем врачей, и жаждет встречи.

Я сделала вывод, что у мужика просто проснулся страх смерти и того, что ждет дальше. Грехи, в общем, решил замаливать.

Что ж, если отец звал меня, чтоб просить прощения, то это я могла дать с легкостью. Потому что прощать его мне было просто не за что. Я его не знала, он был мне посторонним, мало интересным человеком, и, если ему полегчает от моего безразличного “Все хорошо” – так тому и быть.

– Мама, хочу в туалет, – едва слышно прошептал Артём.

– А я пить, – напомнила о себе Арина.

– Давай найдем такси, а то я умру от жары в автобусе, – тоном королевы-матери сообщила Варя, поправляя рюкзак на плечах и закатывая глаза, будто вот-вот свалится в обморок.

Я кивнула каждому детёнышу отдельно и кровожадно уставилась на мужика с табличкой. Помахав ему рукой, подошла ближе, направляя всю свою свиту осторожными толчками в спины.

– Вот и мы, – сообщила с улыбкой.

– Простите? – удивился встречающий. Он был одет в светлый классический костюм. Даже с пиджаком. И с галстуком. И это в тридцатиградусную жару.

– Лопухины, – обрадовала его я. – Можем ехать.

– Да, но...

– К отцу, – добавила, кивнув.

Он недоверчиво нас осмотрел, чуть задержавшись на моих потрепанных жизнью босоножках, и мне показалось, что шанс добраться быстро и с комфортом ускользает.

– Я – Маргарита, – сказала с угрозой в голосе. – Прямо из Москвы сорвалась, все дела и работу бросила, детей от занятий оторвала... Всё ради отца!

– Ясно. – Мужик затравленно осмотрелся, но, как ни старался, других Лопухиных не нашел. Снова посмотрев на нас, сообщил очевидное: – Вас много.

– Четыре! – подтвердил Артем. – А папа со своей пластиту...

Я нервно засмеялась, прерывая сына:

– На конфетку, – сказала, всовывая карамельку детёнышу в рот. Прямо в фантике. – Только разверни, малыш.

– Спасибо! – удивлённо и одновременно радостно улыбнулся сын.

– Поехали, – вздохнул встречающий, бросив недовольный взгляд на то, как Артем шелестит фантиком, споро разворачивая сладость. – Только пожалуйста, не сорите в салоне авто.

– Это без проблем! – Я строго посмотрела на детей: – Слышали?

Те покорно закивали.

Мне в руку переключал облизанный фантик от карамельки.

– А мне конфету? – опомнилась Арина.

– В машине напомни, найду.

– Идите за мной, – попросил мужчина, чуть кривя полные губы. Я так и не поняла, это он улыбался, или мышцы свело?

– Вот мой чемодан, – остановила его я, выставляя вперёд огромного коричневого монстра. – Спасибо вам за помощь. Искреннее. От слабой женщины и ее детей.

Мужик недоверчиво на меня посмотрел, но вслух сомнений по поводу слабости высказывать не стал. Подумаешь, девушка чуть выше среднего роста с грудью третьего размера и попой сорок восьмого... Я, может, слабая не телом, а в душе!

Так, всей честной компанией, мы и покинули аэропорт, сразу оказавшись в мире моих грез. Пальмы, солнышко, нереальный южных воздух, идеальные дороги и... машина типа джип, с высокой посадкой и кожаным, пахнущим апельсином, салоном. Выкрашенный в белый цвет автомобиль смотрелся единорогом среди простых ездовых лошадок. Даже я – совсем не ценитель транспорта – замерла, с уважением рассматривая “встречающую” снаружи и внутри.

Девочки, до того о чем-то спорившие, умолкли, а Артёмка, увидев машину, даже конфету жевать перестал. Завис мальчик, пораженный красотой иностранного автопрома.

– Это “Нива”? – шепотом, с придыханием, спросил он у водителя, назвав единственную большую машину из всех, что знал.

– Это “Инфинити”, – оскорбленно ответил наш провожатый, убирая в багажник чемодан.

– Финятиль, – с обожанием повторил сын, и я поняла, что он встретил первую любовь.

– Присаживайтесь, – позвал нас водитель. – Вам помочь устроиться?

– Нет-нет, – засуетилась я, слегка пришибленная размахом богатства неожиданно появившегося папика. Всё-таки слышать о том, что он не беден – одно, а видеть первое очевидное подтверждение – другое. Деньги на билеты – сумма тоже немалая, но на такую машину Лопухину, будь он простым бизнесменом, вряд ли хватило бы.

И тут я взгрустнула. Если бы отец был середнячком, мне было бы спокойней, а то мало ли, какие загоны у собственников таких машин и вилл на берегу моря?..

Сразу в голове нарисовались бугаи, увозящие нас с девочками в рабство. Бр-р. Хорошая фантазия – не всегда прелесть.

И все же убежать я не стала. Подавив в себе приступ паники и новые картинки ужасного будущего, решительно посадила Артема в инфинити. Раз уж прилетели с детьми, то навестить родственника обязаны. Дальше будем действовать по ситуации, но слегка подстраховываясь.

Я посмотрела на озадаченного водителя и демонстративно достала мобильник. Набрала Вику и стала ждать ответа.

– Долетели? – спросила она вместо приветствия спустя три гудка.

– Запиши кое-какие данные, – в том же стиле ответила я. – Нас встретили в аэропорту. Мужчина: высокий голубоглазый блондин лет сорока в сером костюме. На “Инфинити”.

– Диктуй номер тачки!

Водитель лишь покачал головой, слушая мою громкую речь. Он помог пристегнуться рассевшимся сзади детям, открыл дверь для меня и замер в ожидании, не торопя.

Я отодвинула телефон, нашла в нем камеру и сделала фото мужчины. Он удивленно моргнул, я усмехнулась и сразу отправила картинку Вике.

– Получила? – спросила по громкой связи.

– Ага. Симпатичный.

Водитель приосанился, тоже усмехнулся.

– Если через час-полтора не позвоню, можешь паниковать, – закончила разговор я.

– Договорились, Маргош.

Вика отключилась, мы с водителем обменялись взглядами, полными взаимных сомнений, и я наконец села в машину. Он тоже занял место у руля.

– Будем на месте через двадцать минут, – оповестил мужчину. Машина плавно тронулась с места. – К слову, мне сорок один год. Холост. Зовут Роман.

– А по бабушке?

– Зовите просто, Рома.

“Флиртует?” – озадачила я.

Посмотрев на него оценивающе, стала мысленно вычислять достоинства и недостатки. Видно, что холост – взгляд вечно голодного кота. На мою обувь так и смотрит с презрением, а у самого костюм хоть и хороший, но ногти на руках острижены как попало, скорее даже обгрызаны. У меня все дети знают, что это негигиенично и просто противно. Прическа мужчину красила, черты лица были неплохие, но вокруг глаз-носа-рта у Романа обнаружился табун морщинок. Кажется, скостил он свой возраст, годиков на пять – семь. Приятное приключение с таким вряд ли получится, скорее неприятный осадочек наживу.

Нет уж, дорогуша, если я и захочу завести интрижку на юге, то точно не с тобой.

– Лучше по отчеству, – повторила невозмутимо. – Все-таки у нас приличная разница в возрасте. А я старшее поколение уважаю.

– Дмитриевич, – недовольно буркнул мужчина.

– Маргарита.

– Вы говорили, – он посмотрел на меня и улыбнулся, бросив красноречивый неунывающий взгляд на мои колени, показавшиеся из-под задравшегося сарафана. – Красивое... имя у вас. Не переживайте за безопасность, разве я похож на похитителя или бандита?

– А я похожа на модель? – ответила вопросом на вопрос, поправляя сарафан.

– Ну-у, – протянул Роман, скользнув взглядом по моей фигуре, и с неудовольствием задержавшись на широких бедрах. Пожав плечами, он уставился на дорогу, плавно выезжая со стоянки.

“Еще и хам!” – подумала про себя, мысленно окончательно вычеркивая его из претендентов на мои поощрительные вздохи-ахи.

– Угу, – сказала вслух, – а ведь в юности я неплохо зарабатывала на рекламе одежды. Все меняется. Так что давайте отбросим стереотипы, Роман Дмитриевич. Я вас впервые вижу, чтоб так быстро делать выводы. Так что, доверия к вам пока нет, но оно может появиться в ближайшем будущем. Расскажите-ка о моем отце. Кто он, где он? Как он?

– Вы давно не виделись, – догадался водитель.

– Тридцать один год, – кивнула я.

– Ого! А вам сколько?

– Тридцать один год.

– Я бы вам не дал.

– Все в порядке. Я бы вам тоже не дала, – сказала с каменным лицом, немного устав от этого разговора и желая уже оказаться в шикарной вилле, обещанной отцовским помощником.

Водитель закашлялся, пришлось постучать ему по спинке. С силой, свойственной слабой женщине в минуты недовольства.

– Так что там с моим отцом? – напомнила, оборачиваясь к детям, сидящим удивительно тихо в новой обстановке.

– Он очень болен, – проговорил Роман Дмитриевич, прекращая кокетничать. – И собирает всех своих детей, чтоб попрощаться.

– Всех? – переспросила я. Что-то в этом слове больно отдалось в груди. – И много нас у него?

– Пока прилетело трое.

Пару секунд я переваривала ответ, чтобы понять главное:

– А он любвеобильный.

– Был когда-то, – кивнул Роман Дмитриевич, – но вот уже лет пять, как верен супруге.

– О, так мой отец женат? – Почему-то эта новость удивила. – И кто она? Молодая амбициозная фотомодель?

Водитель посмотрел с осуждением.

– Жанне Михайловне слегка за сорок, и они вместе с Сергеем Петровичем двадцать лет.

Тут я снова сбилась с мысли, пытаюсь уловить логику в сказанном. Быть женатым двадцать лет и, заболев, вызывать к себе кучу незаконнорожденных детей – это как минимум странно и неуважительно по отношению к жене. Или нет? Пока я терзалась сомнениями, на помощь пришла Варя, всё это время подслушивающая разговор.

– Значит, он гулял много лет, как наш папа? Прятался с другой, а его жена все прощала?

Я онемела. Вот так и понимаешь, что твой ребенок уже совсем взрослый. Растерянно помяв в руках юбку, попыталась срочно придумать другую тему для разговора, но мысли смешались, не собираясь мне помогать. Тема развода и одиночества по-прежнему была слишком болезненной.

– Какой развитой ребенок, – хмыкнул водитель, глянув на меня.

Я натянула на губы дежурную улыбку, но, как видно, получилось не очень хорошо: Роман громко сглотнул и продолжил говорить, разумно не касаясь темы моего замужества:

– Не знаю, насчет того, чем и кем занимался Сергей Петрович, когда был моложе, но, говорят, Жанна Михайловна и правда очень терпеливая женщина. Как любит повторять она сама, в ее жизни, чтобы не случилось, главные места всегда будут занимать двое: муж и сын, Лёва.

- Мой брат, – уверенно кивнула я.
- Нет, – упорно отказался соглашаться со мной водитель, сворачивая с главной дороги куда-то в лес. Благо, там тоже асфальт был.
- Лева мне не родственник? – уточнила я.
- Ну, разве что номинально. Он – единственный сын Жанны Михайловны от первого брака. Ваш отец его усыновил совсем мальчишкой, дав свою фамилию.
- Я кивнула и, чуть отвернувшись, закатила глаза. Санта-Барбара прямо какая-то...
- Ну и дела-а, – протянула теперь уже Аринка. – Мама, сколько же нас туда приедет?
- Много, – ухмыльнулся Роман Дмитриевич, отвечая вместо меня. – Уже прибыли двое, помимо вашей матери. Один – Павел – тридцать восемь лет, женат. Вторая – Карина – совсем молодая, лет двадцать пять, кажется, и не замужем. Но мужчина чаще в разъездах находится – за три дня его почти не видно было в доме, он ждет прилета жены и сына. А девушка загорает пятый день подряд у бассейна. С тех пор как прилетела. Пользуется всеми благами, так сказать, в ожидании результатов экспертизы.
- Экспертизы? – переспросила я.
- Отцовства? – снова заговорила Варя.
- Я закашлялась.
- Теперь уже Роман постучал мне по спине.
- А как же, – кивал он при этом, – нужно же убедиться, что не от другого нагуляли его бывшие женщины.
- Умно, – согласилась Варя, и получила от меня контрольный взгляд в голову. Замолчав, дочка отвернулась к окну чуть закатив глаза, как и я минутой раньше.
- Они нагуляли? – поразила я. – Собственно, судя по количеству отпрысков, гулял как раз Лопухин!
- Ну он же мужчина, – пожал плечами Роман Дмитриевич, чем окончательно меня отвратил от себя.
- И я мужчина, – решил вмешаться в обсуждение Артём. – А бабушка говорит головастик! Он скользкий и тоже любит воду. Но потом будет жаба, как папа. Я буду жаба.
- Все замолчали, не зная, что ответить на столь важный выпад.
- Ты не будешь жабой, – наконец сообщила я. – Папа такой один, с ним никто не сравнится. А бабушка... она пошутила. Ты – в меня. Умный и заботливый.
- Красавчик, – дополнил сын, улыбаясь во все зубы. – Рыжий, как солнышко.
- Я обернулась, собираясь ответить, и – действительно – наткнулась на взгляд невероятно зеленых глаз, как у мужа. Артёмка и правда вышел копией Макса, один-в-один, тут и экспертизу делать не нужно. И характер отцовский: напористый, самоуверенный, с самого детства пользующийся любовью женского пола. А еще после ухода Макса он стал намного больше капризничать, часто выводя из себя мою маму. За что, собственно, и выслушивал в порыве ее гнева глупости в свой адрес. Вот как с головастиком этим...
- Ты – самый обаятельный и привлекательный, – подтвердила, опомнившись. – Лучший мужчина на свете и наш защитник. Правда, девочки?
- Угу, – хмыкнула Варя.
- Смотри не напреди здесь, защитник! – засмеялась Аринка. – А то раздулся от важности, скоро лопнешь!
- Артём сразу нахмурился, сжал кулачки:
- Сама не напреди! А то я тебе!..
- Мама, скажи ему!
- Я хотела сказать, да еще как! Но тут в окне со стороны Аринки заметила высоченный забор, увитый зеленью. Просто нереальной красоты, как из сказки. Повернувшись к своему

окну замерла от восхищения: там был мягкий спуск и... море. Волшебное, манящее, бескрайнее.

Дети тоже притихли на миг, а потом Артем возмутился:

– Но почему оно не черное?! Испортилось?

Все засмеялись. На задних сиденьях начались дискуссии о том, почему море так названо. В ход пошел планшет и интернет. А я, налюбовавшись в окно, хотела спросить у водителя, долго ли еще ехать, но тот ответил раньше:

– Прибыли.

Глава 2

– Вау! Какие деревья! – восхитилась Аринка, прижимаясь лбом к окну. – Высоченные, толстые!

– Реликтовые, – поправил ее Роман, чуть поджав при этом губы, явно раздражаясь детской необразованности.

Ишь ты, какие мы ранимые.

– А вы местный? спросила я, уже подозревая, что попала в цель.

– Да, – гордо ответил он. – Я родился в Сочи.

– А правда, что город раньше был сплошным болотом? И что малярийных комаров не могли вывести очень долго, они летали тучами.

– Это было давно, и мы справились! – возмутился водитель.

– Вы? – я удивилась. – Думала, справились задолго до вас с помощью эвкалиптовых деревьев, которые и болота осушили, вытягивая из земли влагу, и запахом комаров распугали. А еще рыбку какую-то завозили специально... Выходит, все вы помогли?

– Начитанная? – выплюнул Роман таким тоном, будто оскорбить меня пытался.

– Люблю книги, – согласилась я, – могу и вам что-нибудь порекомендовать. О родном городе.

– Сами с усами, – отбрил меня Роман, высокомерно задирая голову.

– Вижу, – улыбнулась я. – А еще вы наверняка схватываете на лету, иначе вряд ли вас бы взяли на работу к такому богатому человеку.

Рома начал было улыбаться, радуясь комплименту, но зря – я еще не договорила.

– Так вот, впредь запомните, я ненавижу, когда мне начинают “тыкать” без позволения.

Хотя, возможно, вы мне брат?

Водитель нахмурился, покачал головой.

– Сват?

– Нет.

– Родной дядя?

Он промолчал, только в руль крепче вцепился.

– Так и думала, – вздохнула я. – Тогда давайте вспомним об общепринятых нормах. Вежливость, обходительность по отношению к женщинам и терпимость к детям. Сможете?

– Конечно.

– Как чудесно, – я натянула на губы улыбку, от которой даже у моего бывшего начальства рука тянулась ко лбу – перекреститься. – Тогда расскажите, почему вы сказали, что мы приехали, но машина продолжает ехать мимо этих шикарных изгородей?

– Мы приехали в район с частными постройками. Здесь ваш отец уже пять лет арендует виллу.

– Арендует? – переспросила я.

– Она что, не его? – снова вклинилась в разговор Варя. – Так и знала, что есть подвох! Не такой уж он и богатый.

Роман хохотнул:

– Уж поверьте, денег у вашего дедушки много, как и недвижимости. Просто он прикипел именно к этому месту, а хозяин не хочет продавать его. Сдавать – пожалуйста, а навсегда расстаться – никак.

Я пожалала плечами – у богачей свои причуды.

– А можно чуть уменьшить кондиционер? – попросила Романа. – Хочу открыть окно.

– Разумеется.

Спустя пару мгновений в машину ворвался горячий воздух, наполненный ароматом хвои и цветов. Я зажмурилась от удовольствия, распустила хвост на голове, позволив ветерку поиграть с волосами и вдохнула полной грудью, глядя на черное море...

– Божественно, – шепнула, чувствуя, как в горле образовывается ком от накативших эмоций.

Последний раз была на море еще до рождения Артемки. С мужем и дочками. Это было волнительно и прекрасно – лучший отдых из всех возможных. После него мы и решились на третьего ребенка...

Машина внезапно свернула, и море пропало с обзора. Мы катились прямо к отдельным воротам, выходящим на индивидуальную дорогу. Роман вынул из кармана небольшой пульт, нажал кнопку и ворота стали открываться, а вместе с ними расширялись от изумления мои глаза.

Это было красиво и дорого. Невероятно. Природа, бассейны, дорожки и высокий дом с огромными панорамными окнами. Я насчитала три этажа. И почему-то сразу с тоской вспомнила нашу трехкомнатную квартиру: уютную, заваленную игрушками, где не страшно что-то сломать...

Роман остановился у небольшого домика рядом с воротами, махнул рукой выглянувшему мужчине.

– Еще одна дочка пожаловала, – сказал он, с явной иронией.

Я громко прочистила горло и напомнила:

– Думала, мы договорились о взаимном уважении.

Водитель, не оборачиваясь добавил, сменив тон на более приземленный:

– Маргарита Сергеевна с детьми. Сообщите там всем, что мы прибыли.

– Хорошо. – Мужчина из окошка пригнулся, вжал голову в плечи и увидел меня. – Добро пожаловать!

– Спасибо, – улыбнулась я.

Сзади вжикнуло окно.

– Спасибо, – повторила Аринка, разглядывая охранника.

Тот засмеялся, выпрямился и исчез в домике, а мы поехали дальше, к самой вилле.

– Какой до-ом, – восхищенно протянула Варя, стоило машине остановиться. Не дожидаясь разрешения, она открыла дверь и выскочила на улицу, оглашая всех радостным: – Класс!!! Юлька в жизни не поверит, где мы тусили! Она просто умрет от зависти!

– Юлька? – Роман округлил глаза. – Родственница?

– Подруга, – улыбнулась я, выходя из авто и прикладывая ладонь ко лбу в виде козырька. Дом будто нависал сверху: слишком большой и чужой, немного пугающий.

– Мама! – позвала Арина с другой стороны машины. – Артемка уснул. Давай оставим его там? Пусть спит, раз не дотерпел до дедушки.

– Ни в коем случае! – испугался Роман, решив, что мы и правда можем уйти без малого. – Заберите ребенка! Я машину сейчас в гараж отгоню.

Очень хотелось сыронизировать на эту тему, но мне вовремя пришло в голову, что с этим водителем, возможно, еще придется иметь дело, так что совсем портить отношения не нужно.

– Хорошо, – вздохнула грустно, – придется забрать его с нами. Сейчас я аккуратно возьму сына, а вы помогите нести его в спальню, которую для нас – надеюсь – приготовили. И не делайте резких движений, ни то мой мальчик проснется и будет весь день без настроения, а это чревато слезами и истериками.

– Но... – Роман покрутил головой в поисках поддержки, но никого кроме нас не нашел. – Хорошо.

– Вы замечательный. Только помните – идите очень медленно, от быстрой ходьбы Артемка тоже может проснуться.

Я подошла и достала из салона сына, бережно передав его в руки вредного водителя. Тот шагнул было вперед, но я его остановила, напомнив о неспешном движении. Аринка, стоящая рядом, хихикнула, зная о том, что брат всегда спал так крепко, что можно было из пушки стрелять – не разбудить.

– А чемодан? – спросила я, опомнившись.

И сразу, как по мановению волшебной палочки, двустворчатые двери дома отворились. К нам вышли двое: парень и девушка. Они поспешили навстречу. По пути бросили удивленный взгляд на идущего черепашным шагом Романа и замерли напротив меня.

– Добрый день, вы, очевидно, Маргарита Сергеевна?

Я растерянно кивнула.

– Мы очень вам рады, – отчеканил парень, одетый в синие брюки и белую рубашку, – позвольте отнести ваш багаж?

– А я провожу вас в ваши апартаменты, – заученно улыбнулась девушка. – Прошу за мной.

Она указала рукой вперед и первой пошла в дом.

Мы поплелись за ней. Уже поднявшись по ступенькам, я обернулась и заметила парня с моим чемоданом и тремя рюкзаками. Он шел с бесстрастным выражением лица, в отличии от Романа, не выказывая презрения. Хотя радушия я тоже не заметила.

– Сюда, – услышала я нашу провожатую. – К лифту.

– Мама, – шепнула Аринка, оказавшись справа, – а сколько здесь квартир?

– Одна, – ответила я, чувствуя себя нищим родственником из самых бедных районов Африки. – Вернее, владелец один, а комнат много. Сейчас нас отведут в нашу.

– На лифте? – уточнила дочь. – А сколько здесь этажей?

Я разглядывала огромную гостиную – столовую по которой нас вели, стараясь не поскользнуться на керамической оранжевой плитке, отполированной так, что в ней отражались хрустальные люстры, и собиралась ответить, но девушка – провожатая, то ли услышав нас, то ли просто решив, что небольшая экскурсия не помешает, меня опередила:

– Четыре этажа. Это – второй. Вилла находится на небольшом склоне, и – с другой от входа стороны – есть еще один этаж, первый. Там находится бассейн, бильярдная, домашний кинотеатр и винный погреб. Здесь все собираются для совместного приема пищи или по требованию Сергея Петровича. Слева есть дверь – это его кабинет. На третьем этаже пять спален, а на четвертом...

Тут пришел лифт, и девушка умолкла, дожидаясь, пока мы все войдем. Нажав на кнопку “три”, она продолжила:

– На четвертом – оранжерея, три открытые террасы и еще один бассейн. Оттуда открывается прекрасный вид.

– А что насчет хозяина дома? – спросила я.

Мы как раз приехали, и все выходили в светлое, какое-то воздушное помещение, снова следуя за провожатой.

– Сергей Петрович сейчас на процедурах, – ответила она. – Но к обеду он обязался быть, велел выставить приборы на всех. Так что, – она посмотрела на наручные часы. – Через сорок минут вас будут ждать на втором этаже. Надеюсь, вы успеете прийти в себя с дороги и немного отдохнуть. А вот и ваша спальня.

Открыв одну из дверей, девушка провела нас в красивую светлую комнату, стены которой были выкрашены в персиковый цвет. У стены слева стояла шикарная кровать с богатой резьбой деревянным изголовьем, с шифоновым балдахином и – о чудо – уже застеленная специально для нас; по бокам от нее стояли трюмо и прикроватный столик. Последний – у панорамного окна, идущего во всю стену, прерывающегося лишь на дверь, ведущую на балкон. По центру

комнаты красовался персикового цвета диван, напротив которого висел телевизор. По бокам от последнего обнаружилось два узких шкафа, украшенных вензелями. В углу – еще одна дверь.

– Там ванная, – улыбнулась девушка, проследив за моим взглядом. – Ну а теперь я вас покину, чтобы...

Мимо меня протиснулся Роман, направляясь напрямиком к единственной кровати и укладывая на нее Артемку.

– Все прекрасно, – я схватила горничную за локоть, не дав ускользнуть, но где нам всем спать?

Та испуганно хлопнула глазами:

– Здесь.

Я вздохнула, уточняя:

– Диван хоть раскладывается?

– Кажется, да...

Она обвела взглядом всех присутствующих и, похоже, только теперь поняла, что нас несколько больше, чем спальных мест.

– Я принесу вам еще один комплект белья, – заверила горничная. – Застелить диван на ночь. Простите, от Сергея Петровича не было распоряжений о... Вы лучше сами с ним поговорите за обедом. Хорошо?

Девушка ушла, а в проходе появился мой чемодан и три рюкзака... Что ж, отступить некуда – пришла пора распаковывать багаж и обустроиваться.

Я посмотрела на замерших у панорамных окон детей, подошла к ним и... тоже прилипла к стеклу. Вид открывался шикарный – на высоченный забор, дорогу, склон и море. Последнее казалось таким близким, что хотелось немедленно скинуть с себя одежду и побежать навстречу.

– А когда нам можно туда? – озвучила типичные мысли Аринка.

– Уже после встречи с дедушкой, – с сожалением ответила я, дергая за ручку двери, ведущей на балкон, куда мы все и выбежали, толкаясь, словно дикари.

– Мама! Какой здесь воздух! – протянула Варя, хватаясь за резные перила и жмурясь от счастья. – Вот бы мы деду понравились и каждый год вот так приезжали, повидаться.

– Да, – согласилась я, – было бы неплохо. Только постарайтесь ничего не разбить в доме, никому не нахамить и вообще быть пайныками.

– Скажи это Артему, – надулась Аринка, на которую я все это время смотрела. – Я уже взрослая, и не стану делать плохо!

– Очень хорошо, тогда все следите за младшеньким, – улыбнулась я. – Не хотелось бы уехать, оставшись в долгах из-за какой-нибудь вазы династии Минь.

Девочки засмеялись, но быстро умолкли.

Ведь сзади нас откашлялась женщина.

Она была небольшого роста с густой копной светлых волос, уложенных в классическое каре. Голубые глаза, чуть тронутые морщинами у внешних уголков, обрамляли пушистые длинные ресницы, а кончик маленького аккуратного носика был слегка приподнят, придавая женщине немного шкодный вид. Одетая в длинный светлый льняной сарафан и обутая в босоножки на небольшом каблучке, она выглядела по-домашнему просто и, в то же время, элегантно.

– Здравствуйте, – улыбнулась нам незнакомка, – простите, я стучала, но мне не открыли, и, поступившись правилами приличия, я позволила себе войти.

– Ничего страшного, – проговорила я, направляясь в комнату и, таким образом, заставляя женщину тоже вернуться в помещение. Мне хотелось проверить Артемку, а то ходят тут всякие...

Сын крепко спал. Облегченно вздохнув, я вновь посмотрела на пришедшую, и, разумно предположив, что она не из прислуги, уточнила:

– А вы?..

– Я – жена Сергея Петровича, Жанна Михайловна, – с готовностью ответила она, протягивая мне пухлую ручку. Кожа у нее была очень светлой и мягкой, ухоженной. А на ногтях красовался шикарный маникюр.

– Очень приятно. Меня зовут Маргарита. Это – Варя, – я показала на старшую дочь, вышедшую с балкона вместе с младшей. – И Аришка. В кровати спит Артем.

– Вы без мужа, – проникательно заметила женщина, очень пристально рассматривая Варю.

– Да, мы... Он остался дома, по работе.

Я пожалала плечами, стараясь скрыть неловкость. Признаваться в том, что нас с детьми бросили ради черноглазой двадцатилетней смуглянки из Италии, не хотелось.

– Он бизнесмен, – добавила Варя, улыбувшись мне, давая понять, что не сдаст, после чего отвлекла удивленную Аринку разговором, уводя к телевизору. И тут я вспомнила о казусе – одной кровати на всех.

Посмотрев на Жанну Михайловну, все еще не сводящую глаз с моей старшей дочери, я уточнила:

– А вы не видели, случайно где-то в доме девушку – горничную? Она обещала принести нам еще один комплект белья. Застелить диван на ночь. Сами понимаете, нас четверо...

– Ах да! – опомнилась хозяйка виллы. – Я ведь по этому поводу и вторглась так решительно! Понимаете, какое дело: Игнат – помощник мужа – сказал ему, что вы летите с детьми. Но супруг запмятовал. Он очень сдал за последние несколько лет, бедняжка, и многое стал забывать, хотя раньше – клянусь! – помнил все на свете.

– Даже места, где наделал и бросил детей запомнил, – кивнула я. – Феноменально.

Жанна Михайловна сбилась, посмотрела на меня удивленно, затем быстрыми легкими движениями поправила прическу и продолжила, как ни в чем ни бывало:

– Да-да, все помнил! Но про количество прибывающих гостей забыл. И вот я принимаю всех по мере... прилета.

– А почему не он сам принимает? Неужели так болен?

– И это, и занятость играет роль, – она отвела глаза. – Сергей по-прежнему многое берет на себя, не позволяя никому его заменить “у руля”. Хотя здоровье просто кричит, умоляя о помощи. Впрочем, он подъедет к обеденному времени, и вы сами оцените, насколько ему уже нелегко. Но вернемся к комнате, простите, что так вышло.

– Ничего, – отмахнулась я, – мы расстелим диван.

– Ну что вы! В этом нет нужды, – Жанна Михайловна испуганно округлила глаза и продолжила: – У меня есть к вам два предложения, а вы сами решите, что больше подходит. Первое: останьтесь в этой комнате с сыном, а в смежную мы заселим ваших девочек. Всем будет предельно комфортно. Или же... у нас есть прекрасный гостевой дом слева от главных ворот. Он одноэтажный с двумя спальнями и кухней-гостиной; находится в тени фруктового сада и имеет собственный выход к морю. Разумеется, также оснащенный видеонаблюдением и системой безопасности. Только ради бога, не подумайте, что я хочу вас выселить с виллы! В любое время вы здесь желанные гости. Если...

– Я согласна! – сообщила, остановив Жанну Михайловну. – Это чудесное предложение.

– Какое из?

– Домик, разумеется. Когда можно туда перебраться?

– Да хоть сейчас, – улыбулась женщина, облегченно вздохнув. – Он всегда находится в пригодном для жилья виде. Берите сына, зовите дочек, я вас провожу лично и пришлю кого-нибудь за вещами.

– Прекрасно! – я радостно потерла ладоши: сама вилла пугала своей роскошью и вычурной дороговизной, а вот жизнь в отдельном домике с фруктовым садом вокруг помогла

бы создать иллюзию более приземленного отдыха, лишь изредка разбавляемого грустными нотами – встречами с моим больным отцом. – Дети, за мной! Мы переезжаем.

Так, с Артемкой на руках, я последовала за женой отца прочь из “родового гнезда”, как успела мысленно обозвать дом, куда съезжались потомки наследившего богача. На улице мы встретили парня, уже таскающего сегодня мой чемодан с рюкзаками, и я, заметив его первой, сама потребовала подойти:

– Эй, любезный! Можно вас?

Парень как раз сидел, нагло развалившись в плетеном кресле, и попивая что-то прохладительное из запотевшего стакана. Услышав меня, он вскинул брови, поднялся и подошел.

– Слушаю, – сказал тихо, замерев в метре от меня в какой-то развязной позе.

“Интересно, сколько им платят здесь? – подумала я, разглядывая этого красавчика, в свою очередь пробежавшегося взглядом по мне. – Наверняка, немало. А ведут себя все так, будто с серебряной ложкой во рту родились”.

– Нам снова нужны ваши услуги, – проговорила я, хмурясь от недовольства, потому что парень позволил себе задержаться взглядом в вырезе моего сарафана, оттянутом спящим Артемкой.

– Что именно требуется? – спросил он, наконец встретившись глаза в глаза и нагло усмехнувшись.

– Нужно перенести наши вещи из персиковой комнаты в гостевой домик, – отчеканила я, – и побыстрее.

– Будет исполнено! Не извольте волноваться.

Парень картинно козырнул и побежал к вилле, а я подошла к ожидающим Жанне Михайловне и девочкам, тут же высказываясь с самым гневным лицом:

– Отвратительный тип! Позволяет себе невесть что!

– Да? – удивилась она. – Я поговорю с сыном, вы уж его простите, он бывает слишком не серьезен в силу молодости, но это не со зла.

– С сыном? – повторила я, чувствуя, как краснеют от стыда скулы.

– Да. Лев – мой сын от первого брака, – мне показалось, что вокруг глаз Жанны Михайловны появилось чуть больше морщинок, да и уголки губ дернулись вверх, будто она улыбнулась с хитрецей. – Что ж, прошу за мной, мы почти у цели.

Надо ли говорить, как стыдно мне стало? Представив, как неприятно было Жанне Михайловне видеть развернувшуюся сцену, я почувствовала себя последней хамкой.

Дети радостно бежали вперед, даже не заподозрив подвоха, Артемка мирно спал, а я еле переставляла ноги, понимая, что пора менять отношение к окружающим. Именно к здешним окружающим, точнее, к тем, кто обосновался в этой вилле. Только теперь я окончательно поняла: вся поездка не воспринималась мной всерьез. Она как бы была отвлекающим фактором от развода, призванным немного разбавить наши с детьми серые будни. Все о чем, я думала – о себе и своих проблемах, и только теперь, после такой неудобной ситуации, я словно встряхнулась. Вспомнила, что человек, пригласивший нас и оплативший билеты – мой отец, и он болен. Сергей Петрович по-прежнему казался мне чужим и далеким, но это не давало права относиться к нему, как к банкомату. А уж жена и вовсе прекрасная женщина: прибежала лично решать мои проблемы, ворковала с детьми, бодро вышагивая впереди и тактично прикрыла глаза на мою бестактность.

И нас таких приехало уже трое! Как там говорил водитель? Павел и Карина? Интересно, уважительно ли они относятся к хозяевам дома? Или как я, возомнили себя невесть кем и “делают одолжение” своим присутствием?

Пока размышляла, даже не заметила, как меня догнал Лев.

Парень просто показался слева, присоединившись ко мне на довольно-таки широкой тропинке, выложенной широкими плоскими камнями и, улыбнувшись, заметил, кивая на Артемку:

– Крепко ваш парень спит, однако.

– Да, точно, – я тоже улыбнулась, разглядывая забавные ямочки на щеках молодого человека, и продолжила с самым доброжелательным видом: – Вы ведь Лев? А я – Маргарита.

– Знаю, – беззаботно отозвался он. – Тридцать один год, замужем одиннадцать лет. Трое детей. Медсестра.

– Ого, – я округлила глаза. – Есть какое-то досье на всех приезжающих детей Сергея Петровича?

– А вы как думаете? – он озорно засмеялся.

– Даже не знаю.

– Никаких досье. Вы сами всю подноготную в соцсетях выкладываете. А что вы не рассказываете, то старшая дочка сделала. Варя, кажется?

– У нее нет страничек в интернете.

– А, да? – Лев пожал плечами. – Ошибся, значит. Показалось.

Я нахмурилась.

– А где именно вы были, когда показалось? – спросила, прищурившись.

– Не помню уже, – он подмигнул. – Так значит, вы будете жить в домике?

Я лишь вздохнула, поняв, что парень виртуозно перевел тему, но решив не заострять на этом внимание.

– Да, – кивнула. – Мне кажется, так гораздо удобней для всех. Нас четверо, младшие – очень шумные, а Сергею Петровичу и Жанне Михайловне это точно непривычно. Им спокойней будет видеть нас изредка.

– Им-то вы угодите, – согласился Лев, – а вот соседу нашему – вряд ли.

Он кивнул на полутораметровый забор, отделяющий виллу Лопухина от следующего участка.

– Там писатель живет. Очень... как бы помягче сказать? Творческий человек. Не любит шум, внезапные визиты и... мне кажется, он вообще очень несчастен от того, что не один на этой планете. А, нет, вру. Еще он обожает своего пса. Стаффордширского терьера. И все.

– Прелесть, какой мужчина, – засмеялась я. – Умеете вы характеристики людям раздавать. А меня как описали бы?

– Правду сказать? – Лев посмотрел на меня проницательными карими глазами.

Мы остановились, потому что я внезапно поняла, что цель достигнута – дальше были лишь ступеньки и вход в небольшой, но очень уютный одноэтажный домик.

– Правду, – кивнула, посмотрев на парня. – Я не обидчивая.

– Сразу думаете, обижать стану? – на его щеках снова заиграли ямочки. – Вы не правы. Пригласите меня на чай вечером, расскажу.

Я вскинула брови, сразу объясняя момент:

– Романы крутить не собираюсь. У меня...

Хотела сказать дети, и все такое. Но Лев перебил, засмеявшись.

– Вы уж простите, Маргарита, – сказал он, качая головой, – но я предпочитаю девчонок своего возраста. Честное слово. Не то чтобы вы плохо выглядели, но...

– Я поняла. – Кажется я вспомнила молодость и покраснела! Скулы обожгло румянцем. – Просто неожиданным оказалось предложение с чаем. Вот и...

– Все нормально. Просто пообщались бы. Мне интересно узнать вас. А вам, должно быть, интересно будет больше узнать обо всех, кто уже приехал. И о тех, кто здесь давно.

Он поиграл правой бровью. Я кивнула и заулыбалась:

– Прости еще раз, – сказала чуть пожав плечами. – И давай перейдем на “ты”? Не знаю, сколько тебе лет, но не думаю, что я намного старше.

– Мне двадцать пять. И на “ты” – это круто. Согласен. Что ж, пойду отнесу вещи. До обеда не так много времени осталось, а Сергей Петрович не любит, когда задерживаются.

Глава 3

– Дети тише! – скомандовала я, едва вошла в небольшой, но очень интересный холл: все в нем напоминало миниатюрный замок, облагороженный для избалованного городского жителя. Стены из кирпича, шкуры на полу, деревянные скамьи с красиво вышитыми подушками, светильники в виде свечей, вставленных в длинные ножки... И низкие деревянные шкафы, выкрашенные так, будто пережили уже ни одно поколение...

– Красиво как, – восхитилась я, удивленно посмотрев на Жанну Михайловну, вышедшую вперед и спросив у нее: – Почему вы сами здесь не живете? Так уютно здесь.

– Сергей Петрович лучше себя чувствует на вилле, – улыбнулась она, – ему нравится классика во всем.

– Хотите сказать, тот дом – яркий пример классики? – я покачала головой. – По-моему в моей квартире в Москве ее больше. Хотя я, конечно, не имею образования в этой области...

– Вилла выполнена в стиле модерн, – кивнула Жанна Михайловна. – Он лаконичен, приятен и изыскан. Но здесь, – она обвела рукой холл, подразумевая, видимо, весь домик в целом, – я люблю бывать сама. Вышиваю, рисую, размещаю подруг, если они прилетают в гости.

– О, – восхитилась я, кивнув на подушки вокруг, – так это вы все здесь украсили?

Она кивнула.

– Потрясающе. Честно. У меня на подобное терпения никогда не хватало, хотя Варя очень просила в свое время научить ее шить.

– Что ж, доживете до моих лет – и терпение появится, – Жанна Михайловна ободряюще похлопала меня по плечу и пошла к выходу со словами: – Располагайтесь.

– Мам, – в холле появился Лев. – Я отнес вещи, можем идти. Маргарита, я все поставил в гостиной, там уж сами решите, что куда.

– Да, конечно.

– Сейчас я пришлю к вам Юлю, – вмешалась Жанна Михайловна, – она застелет кровати и, если нужно, поможет разобрать чемодан. И, пожалуйста, Маргарита, очень постарайтесь не опаздывать на обед. Сергей Петрович весьма щепетилен в этих вопросах.

С этими словами женщина подхватила сына за локоток, и они вышли, а я отправилась искать своих дочек. Они нашлись в дальней спальне, выполненной в бежевых тонах: все так гармонично, нежно и спокойно, что я сама захотела остаться именно в ней. Но...

– Мы здесь спать будем, – сообщила Варя, поглаживая односпальную кровать с кованым изголовьем, на которой уже лежало часть ее вещей из рюкзака. – Класс, да? Смотри, какие светильники.

Она ткнула на стену, где были прикручены “факелы” с современными энергосберегающими лампочками где-то в их недрах.

– Там терраса еще есть крытая, такая красивая – закачаешься! – продолжала дочь. – Из гостиной на нее выход. И вид прямо на фруктовый сад, оттуда пахнет нереально!

– Можно я там погуляю? – спросила Арника, рассевшись на второй кровати – близнеце первой, и потроша свой рюкзачок.

– Нет, – категорично заявила я. – Сейчас придет тетя Юля и застелет вам кровати, не пугайтесь. А потом идем знакомиться с дедушкой. Я пока душ приму и переоденусь, вы, кстати, тоже можете сменить шорты на юбки. И чтоб не шумели и не баловались.

– Тетя Юля – это твоя сестра? – тут же уточнила Арина.

Хотела уже сказать нет, но потом вспомнила ситуацию со Львом и вздохнула:

– Кто их тут разберет. Может и так.

С этими словами ушла, уже с трудом удерживая Артема. Вторая спальня оказалась чуть больше и в ней преобладали темные цвета: синий и сиреневый. Там нашлась большая двуспаль-

ная кровать с кованым изголовьем, два комода, выкрашенных под старину, трюмо с зеркалом, низенький сиреневый шкаф и деревянный круглый столик с двумя широкими мягкими креслами.

Переложив Артемку на кровать, я радостно выпрямилась и почувствовала себя так, будто крылья за спиной выросли: все-таки носить эти шестнадцать килограмм на себе – то еще удовольствие.

Дальше, обложив сына подушками со всех сторон, я ринулась за чемоданом в гостиную и там же нашла дверь в шикарную ванную комнату. Достав свое полотенце, посмотрела на время, плюнула на раскладывание вещей и ринулась в душ. Две минуты наедине с водой могу себе позволить! А потом уже с отцом на свидание можно...

Я честно очень спешила. Даже сушить и выпрямлять волосы не стала. Выскочила в гостиную уже спустя пару минут в одном полотенце и побежала напомнить девчонкам, что пора на построение – встречаться с родственником-потеряшкой. И тут меня ждал сюрприз, а ведь я их терпеть не могу!

– Варя! – рывкнула, стягивая со старшенькой, разлегшейся на кровати, наушники. – Где Аринка? И почему ты не переделась?

– Сейчас оденусь, – она закатила глаза и посмотрела на меня тем взглядом, от которого я, видимо, должна была сгинуть прочь. – Куда так бежим-то?

– Куда? Сказали же не опаздывать! – я всплеснула руками, потом ойкнула и поймала полотенце, затянув на этот раз потуже. – Где Аринка?!

– Откуда я знаю, я ей не мама.

Я закрыла глаза. Так учила меня подруга-детский психолог. Чтоб не орать слишком часто, нужно просто считать до десяти, потом только продолжать общение. Ох! Подруга! Я стукнула себя по лбу, вспомнив, что не перезвонила Вике! А ведь она обещала развернуть спасательную операцию в случае нашей пропажи.

Застонав, повернулась и побежала в спальню к Артемке. Он спал. Вот истинный мужчина – мир с ног на голову дважды перевернется, а он в конце проснется, потянется и пойдет искать себе еды, даже не заметив, что произошло.

Вынув телефон из сумочки, я стала набирать подружку, продолжая носиться по дому и громко подзывая младшенькую дочь. Арники нигде не было, а Вика ответила лишь на второй вызов:

– Разбудила меня, Марго, – пожаловалась она хрипло. – Случилось чего?

– Ты обещала паниковать! – напомнила я, едва не рыча. – А сама спишь. Нормально?

– Ну так дождь на улице, – оправдалась она, – а у меня кофе кончился. Сама понимаешь. Как там у вас? Нормально? Что за отец тебе достался? Расскажи.

– Не знаю еще. – Я озадаченно осмотрела холл, сдула мокрые волосы со лба, подтянула свободной от телефона рукой полотенце и... пошла во фруктовый сад. – Сейчас своих соберу, и идем знакомиться.

– Долго вы, – Вика зевнула. – Ну ты звони если что. Если там еще попаниковать надо будет или... ну, мало ли.

– Угу, – хмыкнула я. – Спасибо.

– Нема за что. Целую, Маргош.

Она отключилась, а я замерла между яблонями, прижимая ко лбу ладонь в виде козырька и высматривая рыжие хвостики своего непоседливого чада.

– Арина! – крикнула во всю мощь.

– Она в клубнике, – сообщил приятный мужской голос откуда-то из-за забора, с соседского участка. – Метров сто вперед. Набрала ягод полный подол. И песни поет. Слуха нет абсолютно, зато голос... как у вас. Слышно далеко.

Я обернулась и уставилась на высокого незнакомца с атлетическим телосложением и смуглой кожей. Не знаю, во что он был одет ниже, но над забором высились голая грудь и крепкие накаченные руки, весьма и весьма впечатляющего вида. Я с трудом смогла заставить себя посмотреть выше. После мощной шеи нашелся выдающийся подбородок, разделенный ямочкой. Тут волевым усилием уставилась в его глаза и мигом оценила мужчину в целом. "Кудрявый брюнет (волосы чуть ниже плеч), заросший щетиной, хмурый и недовольный, – машинально отметил мой мозг. – А на носу и под глазами следы от очков. Писатель?! Серьезно?? Похоже, я-таки наткнулась на соседа, любящего только своего пса".

Из груди вырвался вздох сожаления. И сразу как-то опасно скользнуло на мне полотенце. Это отрезвило.

– Добрый день, – приветливо улыбнувшись, я сложила руки на груди, крепко прижимая пальцами края ткани. – Значит, вы слышали мою дочь?

Губы соседа выдали кривую усмешку, что совершенно непостижимым образом придало ему еще больше магнетического очарования:

– Не просто слышал. Я её ещё и видел. – Он чуть прижался к нашей преграде, подтянулся на руках и... Показал мне свой голый торс с самыми настоящими кубиками. Я даже не сразу поняла, что теперь мужчина удерживался, опираясь на одну руку, а второй указывая вдоль забора, в сторону старых деревьев. – Девочка влезла на старую яблоню и дразнила моего пса. Вон оттуда.

Услышав его голос, я автоматически кивнула, только спустя пару секунд “догнав” смысл сказанного.

– О, – я пожалала плечами, – это точно не Арина. Она боится собак. Она бы не стала...

– Думаю, этот забор, – мужчина легко вернулся на землю и демонстративно погладил кирпичную стену перед собой, – помог ей преодолеть страх. Или временно о нем забыть.

– И что же она делала?

– Лаяла.

Я открыла рот, но не нашлась, что сказать. Так нелепо звучало обвинение. Чтобы моя дочь лаяла на чужого пса? Глупость какая. Или нет?

– Я же говорю, она дразнила Корниса. Потом он перестал на нее реагировать, ей стало скучно, и она ушла в клубнику.

– Она бы ни за что не посмела делать это все у вас на глазах, – сообщила я, наконец, – этого не может быть.

– Тот факт, что ребенка хотя бы присутствие взрослого может вразумить – очень мне нравится, – сосед покачал головой. – Но я наблюдал за ней из беседки, не обнаруживая себя. А позже, когда ваша творческая натура ещё и запела, понял, что поработать точно не удастся и решил сделать перерыв.

– Простите, Арина вообще достаточно мила и спокойна. Она не знала, что мешает кому-то, – я посмотрела вдаль. – Вы видели ее там?

– Там.

– Сейчас я ее найду и заберу в дом.

– Уж будьте любезны.

– Еще раз извините. А вы?..

Отвернувшись от тропинки, хотела узнать, как зовут соседа, но тот уже ушел по-английски, не прощаясь. Что ж, вот и поговорили...

– Арина! – пройдя метров пятьдесят закричала я. – Немедленно иди сюда!

– Я здесь, мамочка, – сообщило мое рыжее счастье, выскакивая словно из-под земли. – Уже пора идти к бабушке?

Ее лицо было чуть испачкано клубникой, на сарафанчике тоже виднелось пятно от ягод, а зелёные глаза сияли от восторга. Такое чудо природы и ругать нельзя. Разве она виновата в

том, что любопытна, как все дети? Хотя о яблоне, псе и писателе рассказать пришлось. Сев на корточки, я вкратце обрисовала ситуацию, спрашивая в итоге:

– Какие выводы ты сделала?

– Я больше так не буду, – пролепетала дочка. – Случайно получилось.

– Никаких деревьев, – попросила я. – Не дразним псов. И... не заставляем их хозяев отвлекаться от работы. Договорились?

– А какая у него работа?

– Не знаю. Кажется, он пишет что-то.

– Стихи?

– Книги, наверное. Это не важно, Арина, мы просто больше не станем петь у его забора. И вообще отвлекать. Понимаешь? Мы здесь в гостях и должны придерживаться правил. Вот дедушка просил не опаздывать, и ты не должна была уходить. Теперь мы должны очень-очень спешить. Бегом в дом, умываться! И переоденься в чистое платье. Минута на все!

– Бегу, мамочка! – мимо промчался рыжий смерч.

Я тоже быстро пошла назад, понимая, что безнадежно опаздываю на первый же обед со своим отцом. Чувствую, придется и мне сегодня послушать выговор от родителя.

Когда до домика оставалось всего десяток метров, мне почудилось, будто кто-то стоит под крышей у входа.

Так и оказалось, за нами прислали мужчину.

– Игнат, – представился высокий хорошо сложенный блондин, протягивая мне руку, – рад наконец встретить вас... такой.

На последнем слове его голубые глаза скользнули по моей фигуре, а краешки губ чуть поднялись, когда он дополнил монолог:

– Я имею ввиду наяву. Рад встрече.

Пожав руку, кивнула, также беззастенчиво осмотрев мужчину. На нем были бежевая футболка поло, подчеркивающая небольшой живот и светлые широкие шорты по колено. На ногах простые шлепанцы.

– И мне интересно было вас увидеть, – сказала, чуть улыбнувшись. – Здесь ведь все предпочитают классику в угоду Сергею Петровичу, разве нет?

– Так точно. Но меня выдернули с законного выходного, – вздохнул Игнат. – Сергей Петрович велел отменить отдых и срочно приехать к обеду. А теперь отказывается всех приглашенных кормить, потому что...

– Я опаздываю! – вспомнила, едва не подпрыгнув, и бросившись в дом. – Две минуты! Обещаю, мы сейчас будем готовы!

– Жду, надеюсь и верю, – услышала вслед, уже преодолевая гостиную.

Через четыре с половиной минуты мы пришли в холл. Я, Арина, Варя и жизнерадостно улыбающийся Артем. Переодеть Аринку удалось с боем, сама же я нацепила простое бежевое платье чуть выше колена, едва-едва подмахнула тушью ресницы, прыснула в себя туалетной водой и нашла в чемодане туфли. Вот и вся классика, другой нет.

Разбудив сына, я быстро объяснила ему самое главное: пора идти кушать, дедушка заждался. Тёма хотел было покапризничать, но, услышав о еде, передумал.

Варя, благо, переделалась в юбку и майку сама.

– Отлично, – одобрил нашу компанию Игнат. – Позвольте вас проводить?

До виллы шли шумно: дети громко обсуждали красоту природы, спорили по поводу того, кто должен идти первым, предполагали, кого дед выберет любимчиком.

– Может, Сергей Петрович всех будет любить одинаково? – вмешался Игнат, слушая детский щебет.

И тут же напоролся на два очень скептически настроенных взгляда. Варя – старшая, она в таком не участвовала, а вот мелкие...

– У него что, есть еще внуки? – спросила Арина.

– Вроде как нет...

– Ну вот! – Арина засияла. – А мы красивые. Я еще и девочка.

– А мне четыре года, – выдал свой аргумент Артём, – я взрослый!

И тут же упал от Аринкиной подножки. Сын зарычал, младшая дочь запищала то ли от страха, то ли от восторга, и бросилась бежать. Варя демонстративно сделала погроме музыку в наушниках. А я... я улыбалась немного офигевшему от веселья Игнату и мысленно считала до десяти. Потому что нельзя же все время кричать. И лишь досчитав, я повернулась в сторону убегающих детей и рявкнула:

– А ну стоять! И рты закрыли! Встали как вкопанные, а то ремень достану!

В повисшей следом тишине даже птичка перестала щебетать, подавившись очередным “чирик” и чуть не свалившись с ветки.

– Маргарита, – тихо подал голос Игнат, осмелев даже тронуть меня за локоть. – Вы меня, конечно простите, я не хочу вмешиваться в процесс воспитания. Но... чисто любопытства ради – откуда вы достанете ремень?

Я выразительно посмотрела в его смеющиеся голубые глаза и сообщила непререкаемым тоном:

– Из ваших прекрасных шорт. Вы ведь не откажете отчаявшейся матери в такой простой просьбе?

Его брови чуть приподнялись, а улыбка стала шире:

– Что вы? Ремень, сами шорты и все-все, что понадобится... Помочь такой красивой женщине – мой долг.

И мне предложили опереться на локоть, дабы продолжить путь на обед.

Я даже злиться на весь мир перестала. Подумаешь, дети шумят? Поговорю с ними позже в неформальной обстановке, объясню все, как положено. А пока можно и обществом наслаждаться, и себя показать.

Лифт поднялся на третий этаж, открылись двери, и – внезапно – даже дети затихли, придавленные атмосферой официоза.

Я выпустила из захвата руку сильно посерьезневшего Игната, на всякий случай сделала лицо “кирпичом”, давая понять сразу всем, что меня так просто не сломишь и в тысячный раз попросила детей не баловаться.

– Прошу сюда, – указал мне путь наш сопровождающий, – направо.

– Спасибо.

И хотя ответила я громко и четко, внутри уверенность таяла. Напускное безразличие давалось с трудом. Я настолько привыкла за последние годы жить в собственных комфортных условиях, в окружении только тех, кто был приятен мне, и кого устраивала я, что теперь, увидев большую компанию за столом, чуть не сбилась с шага.

Их было пятеро. Во главе стола сидел сухопарый, совсем не выглядящий стариком, мужчина с продолговатым лицом, внимательными темными глазами и длинным, чуть крючкова-тым носом. Раньше он был брюнетом, а теперь почти вся голова покрылась сединой, но даже это скорее придавало импозантности, чем старило. Он был одет в светло-голубую рубашку, рукава которой были расстегнуты и подкатаны. На запястье красовались часы с черным ко-жаным ремешком, на одном из пальцев был перстень из белого металла.

– Всем добрый день, – сказала я, чувствуя, как трясутся поджилки, будто сдаю некий экзамен, от которого зависит, смогу ли заслужить место рядом с ними. Это раздражало, но поделаться с собой я ничего не могла. Стресс рождал страх, а это плохо.

– Привет, – отозвался Лев, сидящий рядом с – по всей видимости – моим отцом. – При-саживайся.

Он поднялся с места и отодвинул второй справа стул, рядом с собой. Детям горничная тут же предложила два места правее и одно напротив.

Я благодарно кивнула Льву, и отвлеклась, помогая разместиться Аринке с Артемом. Варя по предложению горничной ушла на противоположную сторону, усевшись рядом с красивой молодой брюнеткой в синем платье, выгодно подчеркивающим ее смуглую кожу и яркие синие же глаза. Просто куколка, неужели тоже родственница?

С другой стороны от моей дочки оказался Игнат. Заметив мой взгляд, он бегло улыбнулся, чем немного приободрил.

Мы размещались в полной тишине со стороны гостей, только стулья скрипели. Мне думалось о том, что никто из них так и не ответил на приветствие, и от этого ощущение абсурдности происходящего усиливалось.

– Можно подавать обед, – наконец проговорил мужчина, сидящий во главе стола. – Если ни у кого не пропал аппетит от столь долгого ожидания.

– У меня не пропал, – сообщила всем Арина, вытягиваясь на стуле вперед и разглядывая холодные закуски вокруг.

– Сейчас принесут суп, – улыбнулась ей Жанна Михайловна, сидящая напротив супруга. – Минута терпения, милая.

– Да уж, – буркнул крупный не очень симпатичный мужчина, сидящий напротив меня. – Минута уже роли не сыграет.

Я посмотрела на него и как можно доброжелательней ответила:

– Простите, мы задержались.

– Опоздали, – недовольно поморщился он, бросив на меня взгляд, прожигающий злостью. – И дети – не повод быть настолько необязательной. Ест ведь определенный режим, о котором вас, наверняка, предупредили.

Холодная улыбка сама расплылась по моим губам, а злость – матушка огнем побежала по венам

– А вы, должно быть, дворецкий? – спросила, складывая руки в замок и подпирая ими подбородок. – Так истово следите за порядком в этом доме. Прелесть просто. Никогда не видела дворецких, представляете? Потому и не знала, что их за стол пускают.

– Я – приглашенный гость! – рявкнул взбешенный мужчина, и его брови сложились домиком на переносице.

– Вот как? – Я деланно удивилась. – Никогда бы не подумала. Мы вот тоже приглашенные, но мне бы и в голову не пришло так по-хамски разговаривать с остальными. Вы, наверное, не только без папы, но и без мамы росли?

Тут я жалостливо покачала головой и вздохнула.

Мужика тряхнуло.

– Лев, милый, неприлично сидеть за столом, открыв рот, – проговорила Жанна Михайловна. – Или ты хотел проявить чудеса сообразительности и представить всех присутствующих друг другу?

Мы все посмотрели на ее сына. Тот закрыл рот, прочистил горло и заговорил с улыбкой:

– Само собой, мама. Как раз хотел сказать, как рад, что все мы здесь сегодня собрались. И, с позволения Сергея Петровича, познакомит его детей между собой.

Хозяин дома криво ухмыльнулся и кивнул, разглядывая Варю с каким-то странным пристрастием.

– Собственно, Игната вы все знаете. Это помощник отца по всем мало-мальски важным вопросам. Его правая рука. Павел Сергеевич и Карина Сергеевна также уже познакомились, – молодой человек указала за красавицу в синем платье и на мужика, с которым у меня уже вышла нестыковка.

Те неприязненно переглянулись и снова отвернулись друг от друга, теперь скрестив взгляды на мне.

– А вот, собственно, и ваша сестра, Маргарита Сергеевна, – закончил представление Лев. Я широко улыбнулась и подмигнула Павлу.

– Всегда мечтала о старшем брате, – сказала игриво. – Чтобы он защищал меня от всяких негодяев.

– Нужно быть осторожней с мечтами, – не менее широко улыбнулся Павел, демонстрируя внезапно похожий на мой оскал. – Они иногда сбываются.

На этот раз закашлялась Жанна Михайловна. Осуждающе глядя на своего мужа, она схватила стакан с водой и пригубила живительную жидкость. Сергей Петрович громко хлопнул в ладоши, потер их и сообщил:

– Добро пожаловать домой, дети мои.

Его жена рвано вздохнула, но промолчала. А мне вдруг стало очень ее жалко: столько лет прожить с этим мужчиной, чтобы на старости он, вместо завещания, благодарностей и миллионов, осыпал ее нажитыми вне брака детьми – это надо быть очень талантливой сволочью. Даже мой собственный муж показался ангелом – он всего лишь ушел к другой, бросив нас в совместно нажитой жилплощади.

Стоит ли говорить, как прошел обед?

Нам принесли суп, и я сначала помогала есть Артему, потом съела свою остывшую порцию, постоянно глядя за тем, что едят дети. Ведь Аринке нельзя было много сладкого, а сыну не рекомендовались копчености. Когда принесли второе, дети уже ничего не хотели, кроме как баловаться. Я дергалась, отвлекалась и мечтала об одном – успеть уйти с обеда, пока кто-то из них не пролил что-нибудь на белоснежную скатерть. Не успела.

Аринка потянулась за сырным шариком и опрокинула апельсиновый сок. На скатерть, на себя, и на Артема. Варя в это время закатила глаза и попросила меня разрешить ей уйти в дом, чтобы ждать нас там.

– Нет, – вместо меня ответил Сергей Петрович, чем удивил нас обеих. – Сначала присмотри за братом и сестрой. Пока я поговорю с твоей матерью в своем кабинете.

Он сказал это все таким непререкаемым тоном, что ни я, ни Варя не осмелились ослушаться. Обе пожали плечами и поднялись из-за стола.

– Большое спасибо, – обратилась я к Жанне Михайловне, вытаскивая из-за стола Артема и подзывая к себе Аринку. – Все было очень вкусным.

– У нас отличные повара, – скупно улыбнулась хозяйка, с некоторой долей презрения разглядывая Аринку, облизывающую липкие после сока пальцы.

– Отведи их в ванную, – попросила я подошедшую Варю. – Умой как следует и попробуй чуть застирать платье. А потом ждите меня у лифта. Никуда не уходите.

Дети дружной толпой двинулись за горничной, вызвавшейся показать дорогу к водопроводу. А я, изо всех сил изображая сильную и независимую, отправилась на беседу с отцом. Хотелось верить, что он скажет нечто приятное, однако шестое чувство и жалостливые взгляды новоявленных родственников буквально кричали: соберись, будет непросто! Лишь Игнат подошел ближе, провел к двери, за которой скрылся хозяин виллы, и тихо спросил:

– Маргарита, вы ведь мама троих детей, вам ли переживать?

Я улыбнулась ему и прошла внутрь помещения.

Кабинет отца напоминал музей. Не по виду, а по ощущениям: тоже страшно было прикоснуться хоть к чему-то, казалось вот-вот сработает сигнализация, ввалятся охранники и меня уведут под белые ручки. Я обвела недобрый взглядом тяжелую дорожную даже на вид мебель из красного дерева, скрипучие кожаные кресла, с десятков безобразных картин на стенах, какие-то статуэтки, несколько застекленных полок с книгами одного размера в кожаном же переплете...

– Присаживайся, – разрешил Лопухин, устраиваясь за массивным столом и напоминая “крестного отца”. Не хватало только протянуть вперед руку и заставить меня целовать его перстень...

Хмыкнув, я смело ринулась вперед, замерла на миг, а потом решительно провалилась в мягкое черное кресло. Такое удобное, что аж замурлыкать захотелось. Мне бы его домой, книги читать или сериалы смотреть, когда дети заснут – вот было бы счастье.

– Ты производишь жалкое впечатление, – сообщил отец, вырывая меня из мира грез и сразу окуная с головой в помой своего благодущия.

Я вскинула брови и... устроилась поудобней.

– Глупости, – сказала спокойно, – я просто устала с дороги.

– И сколько лет ты по этой дороге идешь? – усмехнулся Лопухин.

Я начала сердиться.

– Переходите уже к сути наше беседы, будьте так добры.

– Это и есть суть, – припечатал папочка. – Из всех моих детей ты единственная обзавелась потомством. Малышня симпатичная, хоть и невоспитанная. Но особенно хороша старшая – вылитая моя мать в молодости.

Тут он мечтательно прикрыл глаза и, кивая, дополнил:

– Наверное, единственная женщина, которую я любил по-настоящему. Красивая, веселая, души во мне не чаяла. И умерла рано, после чего отец стал менять женщин, как перчатки.

В наступившей тишине я почувствовала себя неловко и, чуть поелозив, тихо заметила:

– Мне жаль вашу мать.

– Да, она себя не щадила, – резко открыв глаза, отец уставился на меня не мигая.

Стало вдвойне неудобно.

– Что вы хотите этим сказать?

– Ах, да, – он будто проснулся. Вздрогнув, моргнул и присмотрелся, подслеповато щурясь. – О чем это я? Я собирался сказать, что через полторы недели буду праздновать юбилей. Семьдесят лет. Хочу устроить грандиозное веселье, на котором должны быть все мои дети. И внуки.

– Ого, семьдесят?! – поразила я. – Так вы нас приглашаете на праздник?

– Приглашаю. И заключу с тобой пари. Если примешь условия, то на юбилее станешь богаче на приятную сумму. Скажем, на два миллиона. Как тебе?

Я нахмурилась:

– Что за условия?

– Это будет секрет. Только между нами. Я накидал несколько условий, и, если ты их выполнишь к празднику, деньги твои. Такая игра.

– Нет, – категорично заявила я, поднимаясь. – Не люблю игры.

– Зря. Но если тебя все в твоей жизни устраивает, то пусть так.

Он пожал плечами и демонстративно отодвинул в сторону лист формата “а-четыре”. Я... задержалась на минутку. Постояла немного, протянула руку и взяла бумагу. Просто любопытства ради...

Глава 4

Забрав детей, я ушла в предоставленный нам домик, бросив всем “До свидания” и не оглядываясь. В голове роилось с десяток мыслей о том, как нужно поступить дальше и не одной дельной, удовлетворяющей на все сто процентов.

Как жаль, что нет у человечества оракула, способного брать на себя ответственность и давать однозначные советы: делай так, а не иначе. Категорично, не оставляя права выбора и сомнений. Но увы, приходится думать и взвешивать каждое действие самой. Это, кажется, и называлось “взросление”.

– Что сейчас? – спросила Варя, как только мы вошли в спасительную прохладу дома.

– На море! – постановила я. – Всем найти купальники и вперед!

– Ура! – радостно отозвались дети, убегая в девичью спальню.

Я же села на скамью и, прислонившись к стенке, закрыла глаза и вспомнила, чем закончился наш с отцом разговор.

На листке, взятом с его стола, было написано каллиграфическим почерком три пункта. Первое: согласиться на “перезагрузку” внешности при помощи стилиста, подобранного им. Второе: отправиться на три свидания с тремя разными мужчинами не меньше, чем на три часа, и без детей. Третье: тайна, раскрытие которой планируется после выполнения первых двух пунктов. Причем стилиста и все подобранные им вещи отец грозился оплатить сам.

На резонный вопрос, где в это время должны быть дети, он ответил, что это возьмет на себя его жена. У нее есть подруга, управляющая агентством по подбору нянь. И финансовая сторона опять-таки ляжет на плечи Лопухина.

Шестое чувство кричало: “Откажись!” Умом я тоже понимала: он просто хотел развлечься за мой счет. Почувствовать себя едва ли не богом, распоряжающимся действиями и судьбами других людей. Но... Я не нашла весомых аргументов, чтобы повторить громкое “Нет!”.

Почему? Потому что мне тридцать один год, у меня трое детей, которых не с кем оставить, и совсем нет личной жизни. Уже очень давно. И пусть мне не достанутся те два миллиона, что предложил Лопухин, но я хотела бы побывать в руках опытного стилиста, вновь почувствовать себя женственной, хрупкой и нежной. Хоть на пару часов.

Пусть отец развлекается, наблюдая за тем, как купил меня. А я пока порелаксирую за его счет, еще и детям позволив отдохнуть от своего скверного настроения и вечных запретов на все на свете.

Я согласилась. Мы с отцом пожали друг другу руки, и он обещал по итогу двух первых пунктов составить соглашение, где будет прописана сумма – приз, если успею и с третьим заданием за полторы недели. Глаза его при этом блестели от счастья, и я внутренне готовилась к отказу, понимая, что там будет нечто выходящее за пределы приемлемого с моей точки зрения.

И вот теперь меня терзали сомнения. Возможно лучше всего нам с детьми просто уехать? Снять комнату где-то недалеко от моря, пожить неделю и вернуться в свою трешку, погружаясь в пучину прежнего быта?

Мне ведь еще предстоял третий суд и окончательный развод с мужем... От последней мысли стало так больно и тоскливо, что даже сердце защемило. Как я выстою там, глядя в его глаза и слушая окончательное “Прощай”? У меня просто не хватит сил, а срываться начну на детях...

– Мам! Мы все! – ко мне неслась счастливая Аринка, протягивая вперед коробку с надувными рукавами для плавания.

– Отлично! – Я поднялась, тряхнула головой и двинулась в свою спальню, предупреждая: – Без меня ни шагу! Пять минут! Я переоденусь, возьму крем и полотенца, и отправляемся!

О проблемах и их решении мне еще предстояло подумать позже, ну а пока рядом, буквально через дорогу от мощной изгороди, шумело-волновалось море. Оно манило меня, и я была не в силах противостоять этому притяжению.

Мы вышли через отдельные ворота, помахав в камеру и дождавшись одобрения от охраны. Двери открылись, рождая ощущение свободы и легкости. Я бежала к воде, смеясь наравне с детьми. Через дорогу, за неширокой полосой деревьев, нашлось счастье. Оно накачивало волнами на крупные береговые камни, облизывало нам ноги и убегало, заставляя хохотать от восторга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.